

Истоки именника Н.В. Гоголя

© Г. Ф. КОВАЛЕВ,

доктор филологических наук

В статье рассматривается проблема биографизма творчества Н. В. Гоголя. На примере его героев представлены типажи его литературных произведений. Они тесно смыкаются с конкретными прототипами или протономенами, кого реально мог встретить в жизни сам писатель.

Ключевые слова: биографизм, прототип, литературный герой, персонаж, псевдоним, имена, фамилии, прозвища, русская литература.

This article is dedicated to the biographism of N. V. Gogol's literature heritage. The types of characters in his works are analyzed with regarding characters as the examples. They are closely related to the concrete prototypes or protonomens of those people, who could be met by the author in reality.

Key words: biographism, prototype, literature character, personage, pseudonym, first names, last names, nicknames, Russian literature.

Родословная Н. В. Гоголя интересна тем, что позволяет понять, откуда брались некоторые персонажи великого писателя. Предками Н.В. Гоголя были довольно известные и на Украине, и в России, и в Польше люди. По линии отца: полковник подольский, наказной гетман Правобережной Украины Остап Гоголь, упоминаемый в летописных документах XVII века; гетманы Петр Дорошенко и Иван Скоропадский; представители известных фамилий Танских и Лизогубов, в разные времена занимавшие высокое положение в казацкой иерархии, проявившие себя как на воинском, так и на дипломатическом поприщах, обладавшие и литературными талантами. «В одном из дальних ответвлений гоголевской родословной встретим и имя гетмана Ивана Мазепы, в родстве с которым был Матвей Трошинский, прадед Дмитрия Прокофьевича Трошинского, “казака-вельможи”, как назвал его Шевченко, министра и сенатора, приходившегося двоюродным дядькой матери писателя, Марии Ивановне. И любимая бабушка Татьяна Семеновна, урожденная Лизогуб, и благодетель семьи Трошинский, в имении которого в Кибинцах Никоша проводил много времени, были живыми хранителями памяти рода, семейного предания, неразрывно связанных с национальной памятью и историей» [1. С. 32–33].

Имя рассказчика в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» и в «Миргороде» связано с дедом Н.В. Гоголя — *Афанасием* Демьяновичем. В украинской огласовке *Афанасий* будет звучать как *Опанас*, что дает гипокористическую форму *Панько*. Понятно поэтому, откуда взялся рассказчик ранних произведений Н.В. Гоголя — *Панько Рудый*. Один из родственников Гоголя писал о книге, подписанной этим псевдонимом: «Мы весьма знаем, что присланная вами книга есть сочинение ваше». Эти слова, как писал П.А. Кулиш, «показывают, что многие лица и обстоятельства, представленные Гоголем в “Вечерах на хуторе”, были общеизвестны в его родном околотке: иначе каким бы образом там сделалось так рано известно, что под псевдонимом Рудого Панька скрывается Гоголь?» [2. С. 180–181].

Родословная Н.В. Гоголя проливает свет и на происхождение Остапа и Андрия в «Тарасе Бульбе»: «Остап Гоголь был на польской службе в числе многих и многих представителей казачества Украины, вошедшей, согласно Люблинской унии 1569 г., как часть Великого княжества Литовского в состав Речи Посполитой, позднее — Правобережной Украины, которую Москва вскоре же после Переяславских договоренностей “уступила” в 1667 г. Польше по Андрусовскому перемирию» [1. С. 33]. Да, Остап Гоголь сражался под командованием легендарного гетмана Петра Дорошенка, а потом участвовал в битвах под руководством польского короля Яна Собесского. Интересно, что в одном из документов *Остап* Гоголь фигурировал как *Андрей* [2. С. 86–87]. С.П. Шелухин, обобщив материал родословной Н.В. Гоголя и сделав акцент на факте причисления себя дедом писателя, Афанасием Демьяновичем Гоголем-Яновским к польской нации ради получения дворянства, писал: «Хотя это типичные явления в среде малорусского панства XVII и XVIII в., но сама собою напрашивается мысль, что Гоголь некоторые черты для Андрея взял из своих фамильных преданий. Гоголю эти отречения от народности были столь противными, что он отбросил от своей фамилии польскую приставку “Яновский”» [3. С. 90–91].

Ю. Барабаш справедливо полагал, что: «... утверждение о будто бы мучавшем Гоголя комплексе вины и покаяния из-за предка не подкрепляется ни единым примером или хотя бы косвенным намеком в его сочинениях, набросках, письмах. Напротив, есть говорящий о многом реальнейший факт совсем иного плана — выбор фамилии» [33].

В роду Гоголей-Яновских главной была вторая часть фамилии, идущая от священника Яна (Ивана) Гоголя. Бывший хутор Купчинский назывался *Яновщиной*, а большинство родственников — *Яновскими*. Сам Н.В. Гоголь, будучи в гимназии, именовался *Гоголем-Яновским* или просто *Яновским*. Известный русский историк и библиограф М. Лонгинов, у которого Гоголь в 1831 году был домашним учителем, вспоминал, что писатель с самого начала «сильно протестовал», когда дети, затрудняясь

двойной фамилией, называли его господином Яновским. «Зачем называете вы меня Яновским? – сказал он. – Моя фамилия Гоголь, а Яновский только так, прибавка; ее поляки выдумали» [4. С. 87].

Об отрицательном отношении писателя ко второй части своей фамилии вспоминал и Н.В. Кукольник [5. С. 74]. Впоследствии Н.В. Гоголь даже выскребывал вторую часть своей фамилии из своих ранних записных книжек. Эта подчистка, видимо, была связана с польским восстанием 1830 года. Тот же Ю. Барабаш замечает: «Приняв во внимание, какое значение Гоголь придавал именам, фамилиям, прозвищам своих персонажей и собственным литературным псевдонимам, поймем, что имеем дело отнюдь не со случайностью или мимолетной прихотью. Писательское имя определилось не сразу, были романтический В. Алов, таинственный “0000”, подчеркнуто будничным Г. Янов, ернический Глечик, безмянный “дьячок Покровской церкви”, было и так, что вовсе никакой подписи не значилось (публикация стихотворения “Италия” в “Сыне Отечества”), но первая книга, “Вечера на хуторе близ Диканьки”, увидела свет под фамилией Гоголь» [1. С. 34].

В. Набоков, кажется, правильно соглашался с бытовавшим мнением о своеобразном псевдониме Н.В. Гоголя под его незаконченным романом: «Главы исторического романа подписаны “0000”. Четверка нулей, как говорят, произошла от четырех “о” в имени Николай Гоголь-Яновский. Выбор пустоты, да еще умноженный вчетверо, чтобы скрыть свое “я”, очень характерен для Гоголя» [6. С. 49].

Имя, за которым скрылся Н.В. Гоголь – *Панас* в сборнике «Вечера на хуторе близ Диканьки», посоветовал придумать автору П.А. Плетнев. Об этом сообщает П. Кулиш: «...он присоветовал Гоголю, на первый раз, строжайшее инкогнито и придумал для его повестей заглавие, которое бы возбудило в публике любопытство. Так появились на свет “Повести, изданные пасичником Рудым Паньком”, который будто бы жил возле Диканьки, принадлежавшей князю Кочубею» [7. С. 45].

Среди персонажей повестей цикла «Вечера на хуторе близ Диканьки» поименованы не все, а лишь 104 (остальные 62 персонажа лишь упомянуты без ономастической номинации). Поскольку действие проходит на Украине, то и, естественно, что основной именник повестей исключительно украинский. Здесь употреблены характерные украинские формы православных имен: *Грицько (Григорий), Левко (Лев), Оверко (Аверкий), Петро, Петрусь (Петр), Омелько (Емелиан), Панас (Афанасий), Ганна (Анна), Гапка (Агафия), Оксана (Ксения), Ониська (Анисия), Парася (Параскева), Хвеська (Феодосия)* и др. Гоголь очень заботился о том, чтобы имена украинцев были реальными, он сам выбирал из богатого именного наследия украинского народа те имена, которые наиболее подходят его персонажам, его творческим замыслам.

Хутор *Диканька* – это литературное воплощение реального села Диканька с двумя (!) церквями. Название это происходит от *диких лесов*, да еще от диких кабанов, водившихся там (кстати, кабан по-польски – *dzik*).

Еще в Нежине, будучи гимназистом, Никоша Гоголь завел тетрадку «Книга всякой всячины», в которую он переписал из «Грамматики малороссийского наречия» А. Павловского раздел «Имена даемые при крещении». Неудивительно поэтому его просьба из Петербурга в письме к матери: «Прошу также, добрая и несравненная маминька, ставить как можно четче имена собственные и вообще разные малороссийские проименования».

Н.В. Гоголь многое брал для своего творчества из истории Украины. Например, В.В. Вересаев полагал, что «Для повести “Тарас Бульба” Гоголь пользовался сочинениями по истории, быту и нравам украинского казачества: “Описанием Украины” Боплана, “Историей Руссов” Гергия Конисского, “Историей о казаках запорожских кн. Мышецкого и др.”» [8. С. 29].

Н.В. Гоголь страстно любил украинский фольклор, особенно народные песни. Возможно, и отсюда писатель черпал свой оригинальный именник. П.А. Кулиш писал: «Приглашая своего земляка и знатока народной поэзии, О.М. Бодянского, на вечера к Аксаковым, которые он посещал чаще других вечеров в Москве, он обыкновенно говаривал: “упьемся песнями нашей Малороссии”, и действительно он упивался ими, так что иной куплет повторял раз тридцать сряду, в каком-то поэтическом забытии, пока наконец надоедал самым страстным любителям малороссийских песен» [2. С. 551–552]. Тот же П.А. Кулиш приводит список наиболее любимых Гоголем песен. Среди них эротическая песня

Казала Солоха прыйды,
Щось дам, щось дам...

[Там же. С. 552].

И уж не из этой ли песни и пришла любвеобильная Солоха в гоголевскую «Ночь перед Рождеством»?

Возможно, что некоторые сюжетные линии этой повести навеяны Гоголю творчеством его отца, Василия Афанасьевича. Дело в том, что Василий Афанасьевич был талантливым человеком. Свои творческие замыслы он реализовывал в комедиях на украинском языке, которые он сочинял и разыгрывал в домашнем театре своего родственника и соседа, бывшего министра юстиции, Дмитрия Прокофьевича Трощинского. Кроме всего прочего, Василий Афанасьевич был в этом театре еще и дирижером, и главным актером. Сцена Солохи и дядька у Гоголя-сына очень напоминает аналогичную сцену комедии Гоголя-отца «Роман и Параска». П. А. Кулиш приводит эту сцену, почти дословно благодаря пересказу, сделанному Марией Ивановной, матерью великого писателя [Там же. С. 96].

Проанализировав текст этой комедии, П.А. Кулиш верно отмечает: «Итак вот происхождение семинариста в “Сорочинской ярмарке”, Фомы Григорьевича, героя предисловий к “Вечерам на хуторе”, дьяка и великолепной Солохи в “Ночи перед Рождеством”» [Там же. С. 97].

Прозвища, употребленные Н.В. Гоголем в повестях, несут в себе не только яркий украинский элемент, но и изрядный заряд юмора: *Вискряк, Голопуцек, Коростявий, Пузатый Пацюк, Переперчиха, Цыбуля* и др. Фамилии не отстают в юморе от прозвищ, да они и сформированы на базе прозвищ: *Деркач-Драшпановский, Кизяколупенко, Ледачий, Свербыгуз, а также Шпونها, Курочка, Хлоста* и др.

Пузатый Пацюк — прозвище запорожца, поселившегося в Диканьке. О нем Н. В. Гоголь писал в повести «Ночь перед Рождеством»: «...Пацюк, несмотря на небольшой рост, в ширине был довольно увесист. Притом шаровары, которые носил он, были так широки, что какой бы большой ни сделал он шаг, ног было совершенно не заметно, и, казалось, винокуренная кадь двигалась по улице. Может быть, это самое подало повод прозвать его Пузатым». *Пацюк* же по-украински значит «крыса».

Загадочно имя *Басаврюка* — персонажа из повести «Вечер накануне Ивана Купалы». У Н.В. Гоголя это дьявол в людском обличье. В.А. Бушаков полагает, что «великий писатель, который глубоко знал богатства украинского фольклора и своеобразные народные обычаи, не выдумывал своего Басаврюка. Образ Басаврюка и его имя имеют параллели в мифологии других народов. Венгры верят в существование ведьм, которые называются *босоркань* (boszorkany) или *босорка* (boszorka). Они также особенно гадят людям именно на Иванов день. Венгерское название ведьмы заимствовали словаки и карпатские украинцы, ср. словацкие слова *bosorka* “чародейка, ведьма”, *bosorak* “волшебник” и *босурканя, борсуканя, пошурканя* “ведьма”, “ворожея” в бойковских говорах украинского языка» [9. С. 71].

Имя *Пульхерия Ивановна* — биографично. Оказывается, когда Н.В. Гоголь еще учился в лицее, он действительно встретился с женщиной, которая своим поведением его здорово насмешила, только звали ее *Пульхерия Трофимовна*: «Сцена сама по себе забавная, казалась для меня еще смешнее оттого, что сосед мой [Н.В. Гоголь. — Г.К.] передразнивал то Пульхерию Трофимовну, то зайку, добавлял к их речам свои слова очень кстати и строил гримасы» [10. С. 51]. А кроме того Гоголь отдал Пульхерии Ивановне, которую звали еще и *Товстогубиха*, характер своей бабушки, Татьяны Семеновны, из семейства *Лизогуб*, а прозывали *Лизогубихой*. Да и супруг Пульхерии Ивановны *Афанасий* Иванович получил имя супруга Татьяны Семеновны *Афанасия* Демьяновича.

Исторический фон в этом цикле представлен следующими персонажами: царица *Екатерина II*, князь *Потемкин*, также упомянуты писатель *Котляревский*, поэт и композитор *Гулак-Артемовский*, гетман *Полтора Кожуха*, казачий гетман *Конашевич-Сагайдачный*, гетман *Хмельницкий*, князь

Безбородько (Безбородко – секретарь Екатерины II и крупный дипломат), пан *Степан*, князь *Семиградский* (польский король Стефан Баторий), а также французский поэт *Лафонтен*. В тексте повестей упомянуты и трое святых: святой *Пантелей*, великомученица *Варвара* и евангелист *Лука*.

На первый взгляд, такой образ, как *Тарас Бульба*, мог быть выдуманым. Однако же в киевском Летописце (за XVI–XVII вв.) есть такое упоминание: «1628. Козаки ради тягостей и озлоблений, не только им, но и церквам русским чинимых, обравши гетмана Тараса, побили множество поляков под Переяславом и потом примирились». Историк Н. Костомаров также говорил о гетмане Тарасе: «...поляки назначили над реестровыми казаками предводителем Грицка Черного, человека, преданного полякам; но самовольные казаки, собравшись в Сечи, избрали гетманом Тараса и двинулись на Украину». Конечно, Тарас Бульба не был списан с гетмана Тараса, да и чин ему Гоголь дал лишь полковничий, то есть не сечевики, а чин реестровых казаков, у которых было шесть полков.

Н.В. Гоголь не сразу пришел к имени *Бульба*. В первой редакции повести старый Тарас имел прозвище *Кульбаба*. В украинском языке *Кульбаба* имеет значение «одуванчик», есть это слово и в словаре В. И. Даля, и в Словаре русских народных говоров, причем в последнем имеет и еще одно значение: «неловкий медлительный человек» с пометой *курск*. [11. Вып. 16. С. 73]. Это прозвище не удовлетворило Н.В. Гоголя, как полагает Л.И. Колоколова, из-за слишком прозрачной русской семантики составляющих элементов: *куль* и *баба* [12. С. 127]. С этим трудно согласиться, поскольку не так уж и прозрачна истинная, тюркская подоплека этого имени: *qul* – «раб» и *baba* – «дед, отец (с почительностью)» [192, 242], то есть «раб предков». Так что, видимо, Гоголю помешала откровенная тюркскость данного имени, а не его народно-этимологическая прозрачность.

Поэтому *Кульбаба* был заменен на *Бульбу*. На первый взгляд, можно было бы бросить упрек Н.В. Гоголю (находились и такие исследователи), что он назвал «картофельным» именем человека, жившего в докартофельную эпоху. Но дело в том, что слово *бульба* существовало в украинском, белорусском, да и в диалектах польского языков задолго до ввоза в Европу и культивирования в ней картофеля. Это значение слова *бульба* оказалось уже вторичным, а первичным в этом заимствованном из латинского (*bulbus* – «луковица, клубень, лук, чеснок») через посредство польского языка (*bulba*) было значение «клубень, утолщение, пузырь», что хорошо укладывалось в габариты гоголевского персонажа.

Имена главных героев: *Тарас* из греч. *tarasso* – «возбуждать»; *Осман* (укр.) из *Евстафий* (из греч. *eu + stasios* – «хорошо построенный, крепкий»); *Андрій* (укр.) из *Андрей* (из греч. *andrejos* – «мужественный»).

В повести очень много антропонимов, обозначающих запорожских казаков, но документально исторические среди них, как полагает А.И. Карпенко, только *Балабан*, *Шило*, *Колопер* [14. С. 153].

Имена интересовали Н.В. Гоголя всегда и везде. Так, Е.С. Смирнова-Чикина отметила, правда, без каких-либо ссылок: «Он всегда обращал внимание на встречающиеся ему фамилии: так, Чичикова он нашел на одной вывеске» [15. С. 121].

П.А. Кулиш отмечал, «что в Миргороде действительно существовали — разумеется, под другими именами — Иван Иванович и Иван Никифорович, поссорившиеся за гусака. Они впрочем ссорились и мирились неоднократно и нередко езжали в одном экипаже подавать друг на друга жалобу. Они находили удовольствие в том, чтоб их увещевали помириться и вовсе были чужды чувства злобы и вражды» [2. С. 181].

Правда, В.В. Вересаев очень возмущался нерусскостью фамилий русских персонажей у Гоголя: «И что за “русские” фамилии, — Яичница, Земляника, Коробочка, Петух, Сквозник-Дмухановский, Добчинский и Бобчинский, Держиморда, Неуважай-Корыто, Пробка, Доезжай-Недоедешь? Откуда столько украинцев в русской глуши?» [8. С. 64]. И в какой-то степени В.В. Вересаев прав. Хотя ряд из таких фамилий можно встретить и в русской среде. Вот только, по данным И.А. Королевой, в Смоленской губернии бытовали такие фамилии: *Бобошинский, Дмуховский, Петух* [16. С. 47, 59]. Кроме того, *Пробка, Неуважай-Корыто, Доезжай-Недоедешь* — не фамилии, а прозвища крестьян. Некоторые могли потом стать фамилиями, например: *Нечай > Нечаев, Незамай > Незамаев, Докучай > Докучаев, Заломай > Заломаев* [Там же. С. 148–149]. Но многие из перечисленных В.В. Вересаевым фамилий явно не украинского, а польского происхождения. А уж польской шляхты и мещан в российской провинции было довольно много, взять хотя бы такие известные фамилии, как *Пржевальский* (Смоленск) или *Циолковский* (Калуга).

Фамилию же *Плюшкин* обычно производят от *плюха*, но для Плюшкина, живущего паразитом, можно найти и другое прочтение. Дело в том, что предки Н.В. Гоголя служили Речи Посполитой, видимо, поэтому в семье Гоголей польский язык, как отмечает В.А. Десницкий, не был чужим [17. С. 105]. В письме к своей матери Н.В. Гоголь обращается: «Дрожайшая маминька!». Форма *дрожайшая* взята явно из польского языка, поскольку по-русски будет *дорог-*, по-старославянски — *драгъ* и только по-польски — *drog-*. На мысль о знании Н.В. Гоголем польского языка наталкивает его желание прочитать польский текст А. Мицкевича в оригинале, о чем он просил из Рима А.С. Данилевского (11 апр. 1838 г.): «Еще, пожалуйста, купи для (меня) новую поэму Мицкевича — удивительнейшую вещь: “Пан Тадеуш”. Она продается в польской лавке». Думается, очень хорошим этимологом для фамилии *Плюшкин* могло стать польское слово *pluskwa* — «клоп».

Интересно, что благодаря своей поэтической интуиции В.В. Маяковский пришел почти к такому же выводу:

А ты,
        как был,
                        такой и есть
ручную вшой
                        копошащийся Плюшкин.

(Плюшкин... 1928 г.).

А можно ли «расшифровать» фамилию *Собакевича*? Ведь Гоголь дает ему более «человеческое» обличие. В глазах и образной структуре Чичикова, который наблюдал за Собакевичем как приличный портретист, он выглядел так: «...фрака на нем был совершенно *медвежьего* цвета; ...*медведь!* совершенный *медведь!*». Да и назывался мифологический герой славянского язычества уже по-христиански, как и положено в русских сказках о медведе: «Нужно же такое странное сближение: его даже звали *Михаилом Семеновичем*» [Курсив наш. – Г.К.]. Сравните фольклорное *Михаил Потапович*, или некрасовское *Михаил Топтыгин*. Это внешний образ Собакевича, идущего от русского фольклора. А вот каков он внутри своей медвежьей шкуры?

На первый взгляд, и расшифровывать фамилию этого героя нет никакой нужды. Однако русский помещик все же носил бы фамилию *Собакин*. А тут непонятное: *Собакевич*. Если же разложить фамилию *Собакевич* по семантическим элементам, то выясняется, что таковыми являются: *собака* («сука») + *евич* («сын, потомок») = «*сукин сын*» [18. С. 143]. Интересно, что тот же смысл проскакивает у Гоголя в «Женитьбе». На ошибку Жевакина с яичницей Иван Павлович Яичница отвечает:

«Нет, кажется, вы не так поняли: это фамилия моя – Яичница.

Ж е в а к и н, *кланяясь*. Ах, извините, я немножко туговат на ухо! Я, право, думал, что вы изволили сказать, что покушали яичницы.

И в а н П а в л о в и ч. Да, что делать! Я хотел было уже просить генерала, чтобы позволил назваться мне Яичницын, да свои отговорили; говорят: будет похоже на “собачий сын”».

Да и сам Гоголь подтверждает собачью сущность Собакевича, его подлый характер, способный облаять всех и вся. Так, в поэме Ноздрев сказал Чичикову: «С тобой никак нельзя говорить как с человеком близким,.. никакого прямотушия, ни искренности! совершенный *Собакевич*, такой *подлец!*» (Курсив наш. – Г.К.).

Гоголь не объясняет фамилию *Манилова*, но косвенно показывает ее смысл через название деревни *Маниловки* и его обыгрыш в контексте: «Деревня Маниловка немногих могла заманить своим месторасположением» (Мертвые души. Т. 1. Гл. 2).

А как попал в список помещиков некий *Свиньин*? В сцене, когда П.И. Чичиков, заблудившись в дороге, спрашивает у Коробочки об окрестных помещиках, последняя называет и Свиньина: «Бобров, Свиньин, Канапатъев, Харпакин, Трепакин, Плешаков». Фамилия *Свиньин* – не придуманная.

Она принадлежит известному человеку – Павлу Петровичу Свиньину. На первых порах пребывания Н.В. Гоголя в Петербурге тот «покровительствовал» никому пока не известному малороссу. «Покровительство» его заключалось в том, что очерк «Полтава», написанный Гоголем, был после небольшой переработки опубликован в издаваемом П.П. Свиньиным журнале «Отечественные записки» под подписью издателя, а повесть «Басаврюк, или Вечер накануне Ивана Купала» – вообще без подписи автора. Как известно, П.П. Свиньин и стал, несмотря на разницу в возрасте, прототипом Хлестакова в комедии «Ревизор».

Да и, если присмотреться повнимательней, в этой комедии имена детей Земляники почти полностью (выпадает только Перепетуя) совпадают с именами детей семейства Гоголей-Яновских: *Николай* (ср.: *Никоша*), *Иван*, *Елизавета*, *Марья*.

При выборе фамилии и создании образа Копейкина Гоголь пользовался источниками песенного творчества, записанными П.В. Киреевским в Орловской губернии. Говоря о песнях, посвященных разбойнику Копейкину, издатель и редактор Песен, собранных П.В. Киреевским, П.А. Бессонов писал: «Предлежащие образы чрезвычайно любопытны еще и в том отношении, что вместе с преданиями, их окружающими, породили под пером Гоголя знаменитый рассказ о проделках необыкновенного Копейкина в “Мертвых душах”; герой является там без ноги именно оттого, что по песням оступился ногою (то левою, то правую) и повредил ее... (мы помним лично слышанные живые рассказы Гоголя на вечере у Дм.М. С[вербева])» [19. С. 105]. Вот фрагмент одной из песен о разбойнике Копейкине:

На славном острове на Стрижове...
Собирался вор Копейкин-сын
Со своим прибором со любимым, –
Со своим со шурином со Грибовым,
Со названным своим братом с Соколовым.

[Там же. С. 105–107].

Парадоксально, а может быть, и закономерно, что другой Копейкин был вполне реальным лицом при жизни Н.В. Гоголя. Вот как этот факт во время трагического наводнения, запечатленного А.С. Пушкиным в «Медном всаднике», описывал известный актер П.А. Каратыгин: «...на Петербургской стороне, по Каменноостровскому проспекту, был тогда дом какого-то Копейкина. Этот скряга сидел во время наводнения у себя на заборе, с багром в руках, и, пользуясь даровщинкой, ловил приплывающие к нему дрова. Иные несчастные, застигнутые водою на улице, искали спасения и карабкались на его забор, – и он не только не подавал им помощи, но с жестокостью спихивал их багром в воду. Этот

отвратительный скаред не остался, однако, без наказания: по приговору суда, он был посажен в тюрьму и лишен доброго имени» [20. С. 213].

Литература

1. *Барабаш Ю.* Гоголь и Шевченко. Антиномии национального сознания // Изв. АН. Сер. лит. и яз., 1996. № 1.
2. *Кулиш П.А.* Записки о жизни Николая Васильевича Гоголя, составленные из воспоминаний его друзей и знакомых и из его собственных писем. М., 2003.
3. *Шелухин С.П.* Гоголь и малорусское общество // Сборник, изданный Императорским Новороссийским университетом по случаю столетия со дня рождения Н. В. Гоголя. Одесса, 1909.
4. *Лонгинов М.* Воспоминания о Гоголе (по поводу его биографии) // Современник. 1854. № 3–4.
5. *Кукольник Н.В.* И.С. Орлай. (Из памятной книжки) // Лицей князя Безбородко. СПб., 1859.
6. *Набоков В.В.* Лекции по русской литературе. М., 1996.
7. *Николай М. (П. Кулиш).* Опыт биографии Гоголя. Пб., 1854.
8. *Вересаев В.* Как работал Гоголь. М., 1934.
9. *Бушаков В.А.* Образ Басаврюка в повісті М. В. Гоголя «Вечір проти Івана Купала» // Slavica та baltica в ономастиці України. Київ, 1999.
10. *Стороженко А.П.* Воспоминание // Гоголь в воспоминаниях современников. М., 1952.
11. Словарь русских народных говоров. М.—Л., 1965.
12. *Колоколова Л.И.* Лексико-семантические источники антропонимии в повести Н.В. Гоголя «Тарас Бульба» // Русское языкознание. Киев, 1984. Вып.8.
13. *Баскаков Н.А.* Русские фамилии тюркского происхождения. М., 1979.
14. *Карпенко А.И.* О народности Н. В. Гоголя. Киев, 1973.
15. *Смирнова-Чикина Е.С.* Поэма Н. В. Гоголя «Мертвые души». Комментарий. Л., 1974.
16. *Королева И.А.* Словарь фамилий Смоленского края. Смоленск, 2006.
17. *Десницкий В.А.* Статьи и исследования. Л., 1979.
18. *Ковалев Г.Ф.* Ономастическое комментирование на уроках русской словесности. Воронеж, 2005.
19. Песни, собранные П. В. Киреевским. М., 1872. Вып. 10. С. 105.
20. *Каратыгин П.А.* Записки. Л., 1929.